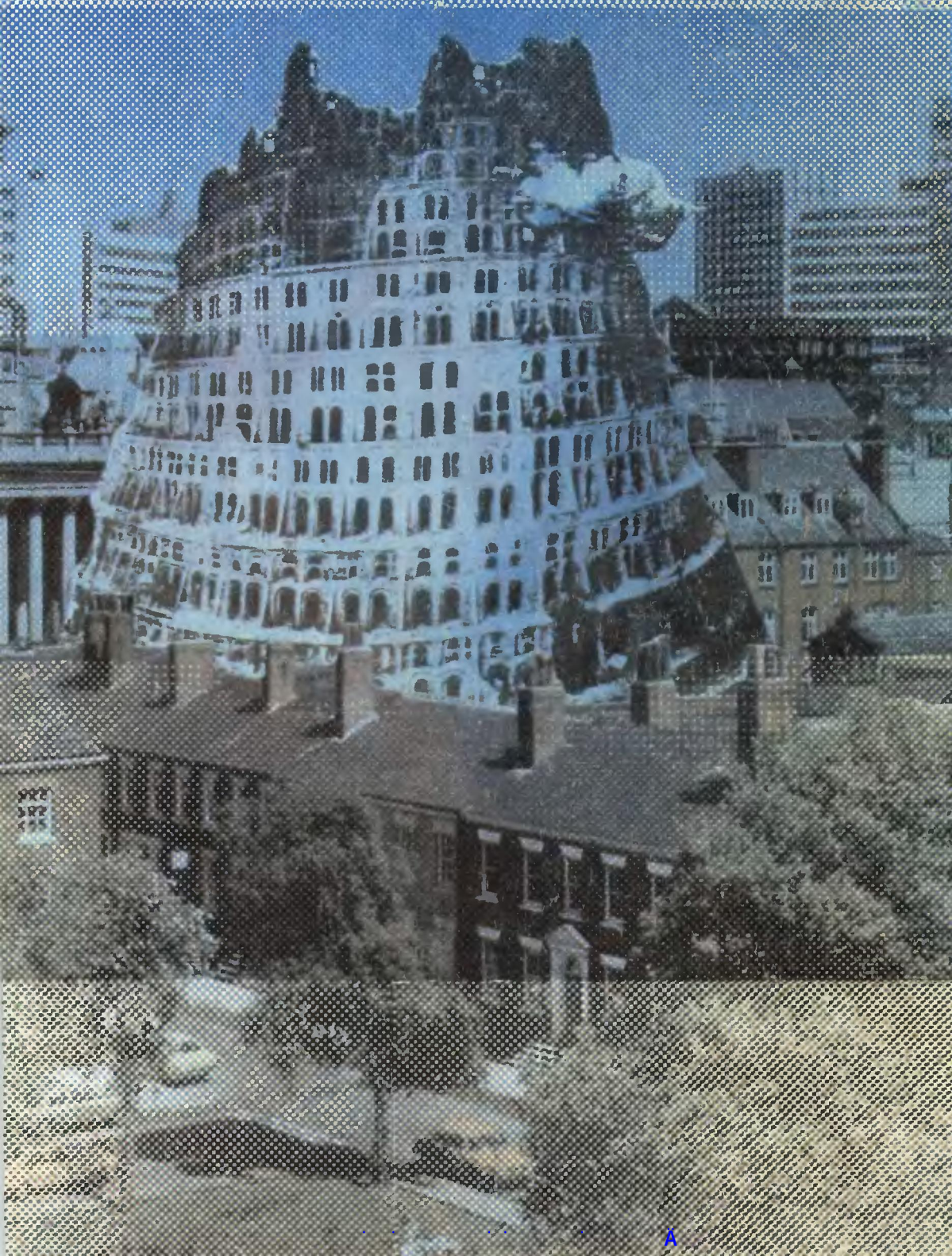

ISSN 0130-1640

ЗНАНИЕ- СИЛА 7/90

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Издание ордена Ленина
Всесоюзного общества
«Знание»

№ 7(757)
Издается с 1926 года

Главный
редактор

Г. А. Зеленко

Редколлегия:

Л. И. Абалкин
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
И. Л. Кнунянц
П. Н. Кропоткин
А. А. Леонович
(зам. главного
редактора)
Н. Н. Моисеев
В. П. Смилга
Н. С. Филиппова
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный
секретарь)
Н. В. Шебалин
В. Л. Янин

*Вавилонская башня
так и не была построена,
потому что люди
не смогли договориться
друг с другом.*

Обложка А. Обросковой и Э. Бажилина

© «Знание — сила», 1990 г.

О природе национализма

Наши корреспонденты В. Борщев и И. Прусс беседуют с профессором Кембриджского университета (Англия), ведущим специалистом в области социальной антропологии Эрнестом ГЕЛНЕРОМ.

Э. Гелнер: — Прошу учесть, что слово «национализм» я употребляю совершенно нейтрально. Предупреждаю об этом потому, что обычно слова такого рода очень сильно эмоционально окрашены: национализм — это всегда плохо. Есть такая шутка: я — патриот, ты — националист, он — шовинист... Чаще всего во всех трех случаях имеется в виду одно и то же.

В. Борщев: — Почему? Разница в этих понятиях весьма ощутима. Как вы считаете: норма — быть патриотом, а все остальное — уже отклонение от нормы?

Э. Гелнер: — Я не знаю, что вы понимаете под нормой.

В. Борщев: — Национальное чувство, не содержащее агрессии, противопоставления другим нациям, не вызывающее конфликтов и столкновений. Само-то национальное чувство всегда есть, не так ли?

Э. Гелнер: — Нет, не всегда. В традиционном обществе его практически нет. Вообще национализм — порождение XIX века.

Структура традиционного общества была очень сложно устроена. В ней у каждого своя строго определенная ячейка. Статус человека зависел от множества вещей: от его религии, от принадлежности к тому или иному социальному слою — феодал, крестьянин, священник, — но уж никак не от национальности. Занятия наследовались, навыки, для них необходимые, приобретались в семье, как и все основные и достаточные знания о мире. Крестьянин с детства становился крестьянином, как и его дети, и его внуки, скорняк — скорняком в мастерской отца и так далее.

Школьное образование было уделом меньшинства, и большинство в нем просто не нуждалось. Даже языковые различия не имели большого значения. Для того, чтобы крестьяне или ремесленники поняли друг друга, достаточен был набор слов, которые усвоить можно легко и быстро. Разные по этническому происхождению массы людей перемешивались и легко уживались друг с другом. Мусульманину и христианину договориться мешало разделяющее их миропонимание, но между собой христиане и мусульмане быстро находили общий язык. Ты крестьянин — я крестьянин, ты христианин — я христианин, я такого-то рода, вассал такого-то феодала, наши феодалы враждуют или дружат — вот что являлось важным.

Я был у берберов в Северной Африке. Меня интересовало, осознают ли они себя как национальную общность. Нет, не осознают. Это мы их называем берберами, сами они не имеют общего имени для своих собратьев. Они говорят по-берберски, их святой — араб. Приехавший оттуда на Запад говорит по-берберски, а не по-арабски просто потому, что это не приходит ему в голову. Бербер определяет себя или по религии — мусульманин, или по принадлежности к сословию, к роду, клану.

Сыновья из многих семей уехали на заработки во Францию, устроились там рабочими на заводы. Парадоксальное сочетание: в деревне родовой строй, а часть семьи — индустриальные рабочие. Один брат зарабатывает во Франции, другой в это время защищает их клан в деревне. Они совсем не думают о себе как о нации.

И. Прусс: — *Погодите, а отношение к евреям в средние века? Их сразу опознавали как чужих, они сами ощущали себя чужими в диаспоре, и бывали очень сильные взрывы антисемитизма в разных странах. Это значит, что и в спокойные времена их выделяли и отделяли от «местных», от «своих». Возможно, их не любили за то, что они, приходя на новые места, становились сильными конкурентами в традиционных для себя занятиях — торговле, ремеслах и так далее?*

Э. Гелнер: — Но, заметьте, это касается чаще всего народов, которые живут в диаспоре и проникнуты своеобразным «культурным шовинизмом». Такими были не только евреи, очень яркий пример — греки. Греки были очень большими «культурными шовинистами», почитая всех негреков варварами. Но они до Александра Великого и не помышляли о политическом объединении. Эта идея пришла с окраины греческого мира, от македонцев, которые, с точки зрения греков «классического ядра», были далеко не лучшими его представителями.

Я хотел бы подчеркнуть: у национализма старых времен, который, по-моему, можно считать национализмом достаточно условно, была одна особенность, резко отличавшая его от национализма современного, — он не носил политического характера. Живущие в рассеянии не стремились воссоединиться политически, не ставили перед собой цели создать национально однородное государство.

То, что вы заметили о конкуренции как одной из причин межнациональных распрей в средние века и раньше, — типичная современная, чисто рациональная реконструкция. Многие, объясняя прошлое, пытаются сделать это через современные представления, которых тогда просто не было или они были слишком слабы и не играли заметной роли, или выражались совершенно по-иному. Вспомните: верхушку феодального общества во многих странах составляли люди иной национальности, чем местное население. Иметь монарха «со стороны» — дело обычное и правильное, ибо это менее опасно, чем возвышение одной из местных семей. На «выгодных» местах, связанных с деньгами, с торговлей, предпочитали иметь иностранцев. Иностранец-военный тоже никого не мог удивить.

И. Прусс: — *Но, значит, все-таки люди другой национальности воспринимались как «чужие»? Было, значит, само ощущение общности, единства по этому признаку?*

Э. Гелнер: — Да вовсе не по этому, а потому, что любой человек, откуда-то приехавший, — новый и потому чужой. Поживет, укоренится в сложившейся структуре — станет своим. Это уж от новичка зависело: сохранял ли он психологическую установку наемника, который сегодня здесь, а завтра — там, или он решал остаться навсегда на новой родине и тогда «вписывался» в ту или иную стабильную социальную группу.

Вопрос «свои», «чужие» — это, в конце концов, вопрос лояльности к значимой для человека и для общества социальной группе. Требование такой лояльности вечно, оно обязательно с тех пор, как существуют любые общности людей. Но сами социальные группы, их положение в общепризнанной иерархии, их отношения между собой — все это меняется. Структура феодального общества очень сложная, в нем множество перегородок, но вот именно по национальному признаку группы не выделялись или, по крайней мере, этот признак не имел сколько-нибудь существенного значения.

Вот вы говорили о евреях, занимавшихся торговлей, ремеслами, которые всегда выделялись среди местного населения. Выделялись они прежде всего по религиозному признаку. А в Англии такими же, да еще, пожалуй, в большей степени, были квакеры — последователи долгое время запрещенной религиозной ереси. Очень сплоченная группа людей, которые и могли сохраниться лишь благодаря взаимопомощи. Деловые, оборотистые люди, но в деловом мире всегда «невидимки»: их операции непременно оформлялись на какое-нибудь подставное лицо. Эти невидимки держали в руках значительную часть денежного оборота страны. Их преследовали, уж их-то точно воспринимали чужими, хотя это были англичане. И в то же время до XVII века почти половина англичан не говорила по-английски, но они были своими, потому